

ДЕРМОНТОВ В ТИФЛИСЕ

Входил он в кузницу Геворга
И запылившийся кинжал
Выхватывал, не скрыв восторга,
И горцев мысленно сражал.

Влюбившись в статную грузинку,
Гулял перед ее крыльцом,
Всегда готовый к поединку
С ревнивым мужем и отцом.

Многобалконный дивный берег
Запечатлел на полотне.
Малоприметный офицерик,
Пресыщен раем был вполне.

При тостах в духе местных правил
Отъехав чуть навеселе,
Свое присутствие оставил
В лиловой предвечерней мгле.

КУИНДЖИ

И бабочке он починил крыло,
И сонм ее прекрасных соплеменниц
Впустил в свой дом, а за окном бело,
Но длится жизнь шуршащих зимних пленниц.

И чудится: порхают папильоны,
Витают, собираясь в миллионы,
Все громче шорох невесомых крыл...
Зачем Ты однодневок сотворил?

Но думал этот милосердный грек,
Чье виденье столь солнечно и тонко,
Что короток и человеческий век,
И мыслящая носится поденка.

Край бешеной жары и невозможной стужи.
Приземистый народ могуч и темноок.
Там лица юные, столь нежные к тому же,
Дубеют, старятся и за короткий срок.

От полугодовых полярных этих суток
То черен небосклон, то золотисто-бел.
Еще не потускнел, должно быть, не созрел
Голубоватый взор молоденьких якуток.

Искал я правду в их напевных сказах
И, перейдя кремнистый перевал,
На кладбище гигантов одноглазых
В пещерах заповедных побывал.

Густела тьма и, ничего не выдав,
Перетекала в музыку, в мираж.
История – исчезновение видов.
Пройдет однажды, может быть, и наш.

И думал я под сенью мощных сводов
О том, как в незапамятные дни
Здесь жило это племя овцеводов,
Как пожирали путников они.

Как прозревая тленной плотью всею,
Что места им не будет на Земле,
Бросали скалы прямо в «Одиссею»...
Не я ли плыл на этом корабле?

ИМЕНА ЯКУТОВ

Платон, Анемподист, Зенон, Сократ,
А то и Ксенофонт – вот имена якутов.
И в тундрах чудится тот эолийский лад,
Хранит его тайга, густым снежком окутав.

С водой крещения в который раз внесут
В обыденную жизнь ту золотую ноту.
Какой-нибудь Гомер, слепой олонхосут*,
Вплетет ее в напев – не будет мифам счету.

Философичен там отеческий закон,
Классический шаман бьет в бубен, бодр и боек,
Есть пифия своя, и в грозный Оймякон,
На полюс холода, ведет оленей стоик.